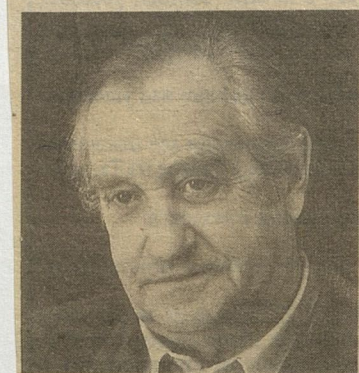

ше — кровавая бойня солидарных лассу, да, да, кровавая бойня, и лго!»

епкий, подвижный, заболел вне-о и неотступно. Я думаю: от ржав-пули — накопилась во времени. У отец умер «от инородного тела в низме» — от мелких свинцовых час-Или Иван Акулов «схватил дозу» на те — выплеснулась в атмосферу иная зараза. А он тогда ездил по жедевским бурьянным околицам... не встретил пока человека, который так обнаженно скорбел о русской те, униженной и обобранной. Зани-ря статистикой — подсчитывал мил-ы сгасших в карательных сражени-равительства против нас, сгасших в улачиваниях подсчитывал, в тюрь-и расстрельных подвалах. Глубоко ал в факты геноцида — катастрофы, истребления, распыления русских. чная дисциплина его, целеустрем-ость, решительность и беззавет-ь — безмерны: тяжело было с ним, зрыва, но гнев у нас был минутный, жба — два еще человека, ему рав-старший брат мой, погибший у ме-и глазах, и отец мой, такой же нео-имый и деспотичный в ательстве, нравственных и гражд-ких.

романы Акулова, изданные в «Со-еннике», меня допрашивали в КПК: Почему Кадушкин, его герой, в ко-ц бросился?..

Так легче... Захлебнулся, и все... ко же терпеть грабителей?..

Не грабителей, а строителей новой вни... Термины не те... Ясно?..

ать моя с колхозных полей возвра-сь ночью, брала меня, и мы шли на бище помянуть трех моих братьков, ыновой, — вот я и привык ходить на лки ночью, когда там никого нет. ос — начал трусить, а потом опять ык, как в детстве...

— когда невинно, я беру фона-и ночью, ночью, под свист метели жу могилку Ивана Ивановича, раз-аю ладонями первый робкий сугроб молчав, к себе возвращаюсь... Ка-опадет с души. И войди сейчас ко Иван Иванович, я спокойно, как шего брата или же отца, приму его: спуга, ни забвения — запоздалая ада...

эти дружбу в гору жизни тяжело. лее, чем везти тачку с песком. Как-осветил фонариком, вечером, мо-и в Челябинске, а памятник отцу йду. Ищу, ищу — не найду. Могилки етелей бойни в Афганистане отцову одили. Дети безвинные наши...

уюлю, помню, телефоном разбудил и Михаила Львова на заре: «Конец, овные жрецы войска в Афганистан ли!» Распад великой своей страны, аченной одряхшими бандитами, Акулов определил с точностью а и математика.

дем на скорости на «Ниве» в Мос-злетаем на холмы Радонежья. Два аса с боков. Золотоглавые. Креста-ненными реют в голубое утро мар-эмля в зеркальных искрящихся раз-

Валентин СОРОКИН

водях. И теплый ветер, тугой и родни-ковый, в стекла бьет. А над дорогой — свежее, ширококрылое колокольное солнце светит и простор окликает.

«Останови машину! — Вышли. — Кра-сота-то какая, Валь, а я умираю... рак...» Я пытаюсь тормознуть катящуюся на не-го хандру: «Рифма есть к этому слову, знаешь ее?» Грустно улыбается: «Дурак, да?..» Едем дальше. И снова: «Не ставь мой гроб в ЦДЛ, запомни, кто придет — тот и придет, понял? И хоронить — здесь!..»

Резкий, а нежный. Мученические гла-за и думающие о чем-то непостижимом и отнятом у народа, у его несчастной России...

С поста главного редактора художе-ственной литературы Госкомитета по печати РСФСР Акулова выдавили ЦК КПСС, Беляев и Севрук и кривоzubые инструкторы. Небрежно развода, как у старой няни, руки Михалкова и СП СССР, выдавили Семанова, Куняева, Поливина, Родичева, Мамонтова, Нико-нова, Ганичева, Палькина, да только ли их?... А Чалмаев, Петелин, затравленный до разрыва сердца Селезнев?

Когда быки из КПК бодали и пропары-вали рогами за «Современник» мой ре-бра, Акулов помогал Николаю Воронову и другим писателям заслонять русское издательство. В моем архиве — черно-вики веских защитительных документов, составленных Иваном Ивановичем и от-правленных им на высочайшие имена державных бурдастых быков... Он как бы хватал березовую задвижку, орясину... Отгонял их.

Редко знал похвалу Иван Иванович. Друзей близких у него почти не было. Очень одинокий и суровый. Но суровый с виду, а копни — золотая нежность, свет совести, как на тех огненных крестах, затрепещет... Да, большой человек — собор, в нем отогреваются людские обиды и воскресают радость, как сам он: радовался и мелочи...

Выкосил траву на участке, покрасил забор, подновил наличники и на струга-ной липовой скамеечке, уже переде-тый в белую рубашку, белые брюки и на голове — белая фуражка, сел. А я нама-левал трафарет: «Дом образцового со-держания»... И несусь.

— Иван Иванович, постсовет обязал прибить у тебя под карнизом!..

— Что ты делаешь? — забегал он вок-руг. — Что ты делаешь, ты меня убива-ешь!..

В сентябре ему исполнилось бы семь-десят лет. Умер в конце декабря 1988-го — перед Новым годом... А для меня — живой, нужный, надежный. Бывало, при-едем — и за полаты, разгребаясь: он ко мне, я к нему, пока не сомкнем стеж-ку... Теперь летом кладу дикий шерш-авый цветок на его могилку, а зимою ладонями с плиты снег разгребая — крошки хлеба сыплю. Столько птиц из-голодавшихся караулят меня и сразу слетаются на могилку!..

Борис Можжев утверждал: «Акулову, Валентин, все народ додаст, и почета додаст, и славы!»... Не сомневался. Да где он, почет-то, и где она, слава-то? А может, слава — скромная могилка на бедном русском кладбище? А может, слава — молчаливое уважение народа к его книгам, бескомпромисным и неж-ным? И, может, слава — редкий полевой цветок, положенный неизвестным, внезапно уколдовшимся о почти солдат-скую пирамидку Ивана Акулова под Мо-сковью?.. Может, но досада гложет.

Спи, мой любимый друг. Живому не хватило тебе ласки, а мертвому — покоя: в крови и в слезах русская земля!.. Но я благодарю Бога за то, что Он позвал тебя раньше, чем ты увидел бы прокля-тый ад, организованный изменниками в последней революционной перестрой-ке. Их имена сгинут. А слово твоё вос-сияет и муки твои земные светом про-льются небесным!..

26.09.92

Михалков

Сводила меня судьба и с Хруще-вым. Поначалу мне нравилась эта самобытная личность, его мужест-во, когда он первым осмелился восстать против культа Сталина, против сталинских репрессий. Он первым заговорил о всеобщем раз-оружении. С приходом Хрущева явно начала меняться обстановка в стране.

Помню, на одном из писатель-ских съездов Хрущев делал доклад. Он отложил в сторону, видимо, заготовленный ему текст и начал говорить «от себя». Он говорил долго, любопытно, не всегда гра-мотно и обо всем. Но всего все-таки не сказал. Говоря о литературе, он ничего не сказал о таком жанре, как сатира. А это было для меня важно, поскольку я выпускал все-союзный сатирический киножур-нал «Фитиль», и он далеко не всем нравился.

После доклада ко мне подошли наши чиновники от литературы и недвусмысленно заметили: «Хру-щев ничего не сказал о сатире. Нужна ли она теперь?»

Чиновники только и прислушивались к каждому слову свыше: не сказано — значит, не надо.

Я понимал: положение надо исправить. И вот, на приеме в Кремле, в Георгиевском зале, я подошел к Хрущеву: — Вы ничего не сказали о сатире. — Что такое? — удивился Хрущев. — А почему я должен был что-то еще сказать?

— А потому, — ответил я. — Вы же знаете, что каждое ваше слово будут теперь цитировать, изучать, и если вы ничего не сказали о сатире, то, значит, вы, Никита Сергеевич, к этому жанру плохо относитесь, и это может иметь роковые последствия не только для литературы.

— А где же мне это сказать? — заинтересованно спрашивает Хрущев.

— А вот и скажите прямо в микрофон!

Хрущев подошел к микрофону и обратился в зал: — Вот тут товарищ Михалков говорит, что я ничего не сказал о сатире. Сатира нам нужна, она нам очень помогает! — и повернулся в мою сторону: — Ну, вот я и сказал!

Я опять обращаюсь к нему: — Надо, Никита Сергеевич, чтобы ваши слова попали в стенограмму доклада. Хрущев подзвал редактора «Правды» П. А. Сатюкова и дал указание: — То, что я сказал сейчас о сатире, вставьте в доклад!

Этот эпизод лишний раз возвращает нас к времени, когда мнение малоком-петентных в делах литературы и искусстве партийных руководителей могло решать многое в нашей жизни.

Вспоминается один из пленумов ЦК. Раньше на пленумы приглашалось много гостей. Однажды перед началом очередного пленума ЦК ко мне обрати-лись некоторые товарищи, ратовавшие за сохранение памятников старины. Они попросили меня передать Хрущеву письмо, в котором предлагалось создать общество охраны памятников культуры. Об этом я, собственно, и говорил, выступая на трибуне.

Передаю Хрущеву в президиум письмо, а он не берет: — Не возьму!

Я настаиваю, а он опять: — Не возьму!

Я в дурацком положении: на глазах всего пленума идет у нас обмен репли-ками. В конце концов Хрущев уступил и с сердитым видом принял письмо. И вот я жду, когда кто-нибудь из выступающих меня поддержит. Ни один человек не поддержал! Все в кусты ушли!

В заключительном слове Хрущев говорит: — Вот тут Михалков защищает памятники старины... — и выступил против содержания переданного мной письма. И тут же на трибуне что-то порвал. Не знаю, что именно: то ли текст письма, то ли свои заметки.

По всей Москве поползли слухи: дескать, Михалков вылез, а ему дали по мозгам. Злые языки всегда найдутся!

Однако со временем Общество по охране памятников истории и культуры было создано и достойно служит Отечеству.

Остался в памяти и более веселый эпизод. На одном из Пленумов ЦК два первых секретаря крайкома сидят в зале и хохочут. Хрущев из президиума к ним сердито обращается: — Вы что, на концерт пришли? Что вы там смеетесь?

Один из них отвечает: — Извините, мы тут басни Михалкова читали!

Книжку мою они купили в киоске во время перерыва. Вот так всегда: серьезное и смешное часто идут рядом.

Мне не раз приходилось встречаться и с Брежневым. Он производил на меня впечатление доброжелательного и контактного человека.

Вспоминаются некоторые эпизоды моего с ним общения.

Одно время Ленинские и Государственные премии обходили произведения литературы и искусства для детей. Им предлагалось соревноваться в общем потоке на равных условиях с произведениями для взрослого читателя и зрителя. Талантливое произведение для детей не могло встать вровень с объемным романом известного автора или симфонией видного композитора. Это было явно несправедливо. Несмотря на мои обращения к лицам, от которых могло зависеть изменение Положения по присуждению высоких премий, старания были безуспешными. Тогда я решил обратиться непосредственно к Брежневу. Предварительно заготовив целый пакет проблем, касающихся детской лите-ратуры и искусства, я попросился на прием к Генеральному.

В назначенный день и время я явился в ЦК КПСС и был принят Леонидом Ильичом.

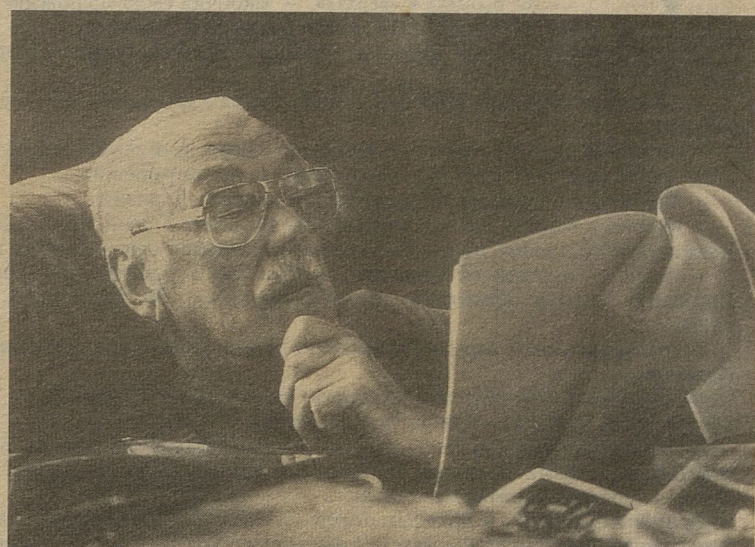
— Что там у тебя! — добродушно обратился ко мне Брежнев. — Рассказывай, с чем пришел!

— Детская литература нуждается в авторитетной поддержке! — говорю я. — Многие издательства отмечены правительственными наградами, многие, кроме издательств, выпускающих книги для детей и юношества. Нуждается во внима-нии и театр для детей. У нас великолепный профессиональный детский театр, пользующийся популярностью не только в нашей стране, но и за рубежом. Почему почетные звания Народных артистов СССР даются главным образом актерам взрослого театра? А ведь в детском театре есть непревзойденные мастера сцены!

Я БЫЛ СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЕМ

В канун 80-летия
Сергея Владимировича
МИХАЛКОВА
в издательстве
«Интерсофт» выйдут
его воспоминания
«Я был советским писателем».
Предлагаем фрагменты
из этой книги.

Сергей МИХАЛКОВ

Брежнев слушал внимательно, и по выражению его лица я понимал, что пришел не зря.

— Ну, все у тебя? — спросил Брежнев, когда я закончил свою вдохновенную речь.

— Пока все! — ответил я, собирая свои записки.

— Давай сюда все свои бумажки! Я их еще потом сам посмотрю, — сказал Генеральный и протянул руку за моими заметками.

Вскоре были утверждены специальные Ленинские и Государственные премии СССР за произведения для детей и юношества. Ведущие издательства детской и молодежной литературы получили правительственные награды. Ведущим актерам детского театра были присвоены почетные звания Народных артистов СССР.

Однажды в издательстве «Детская литература» меня настиг звонок из ЦК. У телефона был Брежнев.

— Ну, как, будут еще указания? — не без юмора спросил знакомый голос. — Я, кажется, все выполнил? Вопрос о награждении детских писателей решим несколько позже.

Мне оставалось только поблагодарить Генерального за проявленное ко мне внимание.

В день моего шестидесятилетия отдельным Указом Президиума Верховного Совета СССР мне присвоили звание Героя Социалистического Труда с вруче-нием Золотой Звезды Героя и ордена Ленина. Этому предшествовал звонок по телефону.

— С вами будет говорить Леонид Ильич! — предупредил меня помощник Генерального. — Не занимайте телефон.

Напрасно просидел я возле телефона до позднего вечера. Ожидаемого звонка так и не последовало. Было много посторонних звонков, но звонка Брежнева я так и не дождался.

Не скрою, награждение столь высоким почетным званием лишило меня спокойного сна, и я, поднявшись утром раньше обычного, занимался утренняя туалетом, когда меня оторвал от бритья первый телефонный звонок.

— Слушаю! Кто это? — не слишком любезно спросил я, подняв трубку.

— Ты чего с утра лаешься? — ответил мне чей-то знакомый голос.

— Кто это? — переспросил я.

— Не узнаешь? Зазнался? — ответил тот же голос.

Только тут до меня дошло: звонит Брежнев.

— Простите, не узнал! — извинился я. — Слушаю вас, Леонид Ильич!

— Вчера никак не мог до тебя дозвониться! — сказал Брежнев. — Я уж своим чекистам велел тебя разыскать. Ты что, был на даче, что ли?

— Дома сидел, вашего звонка ждал, — ответил я.

— У тебя весь вечер телефон был занят, — повторил Брежнев. — Ну, поздравляю тебя с «Героем». Мы тут решали этот вопрос на Политбюро, чем тебя наградить. Твои книги для детей есть в каждой школе, в каждом доме, в каждой семье. Тебя знает вся страна. Решение приняли единогласно, так что поздравляю! Вчера тоже о тебе у меня на даче говорили. Был у меня кое-кто, ты их не знаешь. Как-нибудь еще увидимся. Дел у меня, понимаешь, навалом, все — от коров до послов. Ну, бывай здоров, Сережа!

На одном из кремлевских приемов секретарь Союза писателей поэт Николай Тихонов предложил присутствующим выпить за здоровье Генерального секре-таря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

Стоящий рядом со мной с бокалом в руках, немного уже подвыпивший балкарский поэт Кайсын Кулиев неожиданно громко произнес: — А я не могу!

— Почему? — спросил Брежнев.

— Пора кончать с очковитательством! — невозмутимо ответил Кайсын.

— С каким очковитательством? — уже серьезно спросил Брежнев.

— Михалков пьет лимонад! — пояснил Кулиев.

— За мое здоровье не пьют лимонад! — тоном, не терпящим возражений, сказал Генеральный.

Оправдываться, а тем более пререкаться не имело смысла. Я был вынужден принять и осушить протянутый мне бокал с коньяком. Вот так, даже за праздничным столом партийное руководство страны вынуждало нас идти на компромиссы!

Малообразованный, тяжело больной партийный функционер К. У. Черненко, являясь членом Политбюро, имел большое влияние в партийном и государст-венном аппарате. Он был правой рукой Генерального и пользовался его особым доверием, получая из его рук высокие правительственные награды. Его грудь украсили три Золотые Звезды Героя Социалистического Труда, Золотая медаль лауреата Ленинской премии.

В общении со мной Черненко был доступен и доброжелателен. Обращаясь к нему по ряду вопросов, я находил с ним общий язык. У него тоже в семье были читатели моих книг. Вот почему я однажды взял на себя миссию весьма деликатного свойства.

Как-то на приеме в итальянском посольстве я разговаривал с Митрополитом Минским и Белорусским Филаретом. В беседе он поделился со мной заботами Русской Православной Церкви в связи с приближающимся Тысячелетием Крещения Руси. Святейший Синод ставил перед Советом по делам религии вопрос о передаче Церкви одного из московских монастырей. Для этого должно было быть решение Совета Министров СССР и других вышестоящих инстан-ций. Совет, благосклонно относясь к этой просьбе, не решался поднять дели-катный вопрос на должном уровне, боясь получить прямой отказ. Тем более,

что бывший первый секретарь Московского городского комитета партии, член Политбюро Гришин был категорически против открытия в Москве каких-либо новых культовых центров.

Вопрос повис в воздухе.

— Вы бываете в «верхах», — закончил свою «исповедь» Митрополит Филарет. — Не могли бы вы нам помочь?

Вскоре я попросился на прием к Черненко и рассказал ему о разговоре с Митрополитом.

— Почему же Патриарх Пимен сам не обратился с этой просьбой? — удивился Черненко.

— Он не имеет на это права, — пояснил я. — Церковь отделена от Государства, и все церковные дела вершатся через Совет по делам религий.

— Так чего же Куроедов не помогает? — спросил Черненко.

— Куроедов боится, что ему откажут. Вы же знаете Гришину? — сказал я. — Константин Устинович, вы русский человек, помогите в решении этого вопроса!

— Ладно, — согласился Черненко. — Скажите Куроедову, что я разрешил Патриарху Пимену обратиться лично к Брежневу. Он напишет, а мы тут разберемся...

Я незамедлительно передал содержание моего разговора с Черненко В. А. Куроедову.

На послании Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена Генеральный начертал: «Внести предложение».

Православной Церкви был передан Свято-Данилов монастырь в центре Москвы, и великий праздник Тысячелетия Крещения Руси прошел по всей стране с должной торжественностью.

Праздничный вечер в Большом театре СССР в присутствии представителей всех религий, партийной и советской общественности был открыт песнопением «С нами Бог!».

1988 год, 11 ноября. В Троицком соборе Свято-Данилова монастыря Митрополит Филарет сказал слово при отпевании моей жены. А ныне покойный Патриарх Московский и всея Руси Пимен прислал мне свое соболезнование: «... Молюсь о упокоении Вашей супруги, новопреставленной Наталии Петровны».

Призываю Божие благословение на Вас, Вашу семью и на труды Ваши».

Я давно заметил, что большинство людей, общающихся с «властью имущими», не решаются ставить перед ними вопросы, связанные с просьбами других людей, дабы не навлечь на себя неудовольствие начальства и не лишиться возможности, при необходимости, обратиться самим по личному вопросу.

Не отказываясь от сыпавшихся на него высоких отечественных и зарубежных наград, Брежнев проявлял «высочайшую» щедрость и к своим соотечественникам.

Мой двоюродный брат Петр Петрович Глебов был отмечен двумя высокими правительственными наградами в один и тот же день.

Этому предшествовал звонок Брежневу бывшему заведующему Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро.

— В фильме «Тихий Дон» играет Григория Мелехова артист Глебов. Есть у него звание? — поинтересовался Генеральный.

— Он Народный артист РСФСР, — последовал ответ.

— Представьте к «Народному СССР»! Пришлите документы!

Документы были незамедлительно посланы «наверх».

Вскоре последовал новый звонок Генеральному:

— Оказывается, Глебов защитник Москвы? Представьте к ордену Ленина! Пришлите документы!

Документы были незамедлительно направлены «наверх».

В один и тот же день последовали друг за другом два Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении П. П. Глебову звания Народного артиста СССР и награждения орденом Ленина. Небывалый случай!

Петр Глебов, находившийся в это время на гастролях далеко от Москвы, посчитал дружеским розыгрышем поздравление друзей, сообщивших ему эту весть из Москвы по телефону.

— Тебе присвоили «Народного артиста СССР»! — сообщали друзья по телефону.

— Бросьте меня разыгрывать! — отвечал Глебов.

— И еще с орденом Ленина! — добавляли товарищи.

— Идите к черту! — отвечал Глебов. — Дайте спать!

Но наутро пришли уже официальные поздравления, рассеявшие все сомнения моего брата.

К концу жизни Брежнев находился в явно склеротической прострации. Продолжая оставаться на своем посту, он не мог уже общаться с политическим собеседником без заранее подготовленного текста. Он плохо слышал, еще хуже говорил. Состояние его здоровья давало повод сочинять о нем анекдоты, не далекие от истины.

Вот один из них.

«Брежнев принимает главу английского правительства».

— Уважаемая госпожа Индира Ганди... — произносит Брежнев, читая заготовленную речь.

— Не Ганди, а Тэтчер, — в ужасе подсказывает ему шепотом стоящий рядом помощник.

— Я сам вижу! — сердито отмахивается от него Леонид Ильич. — А тут написано: «Индира Ганди»!

В Московском Художественном театре идет премьера спектакля «Так победим!». В ложе руководителя партии во главе с Генеральным.

На сцене появляется Ленин.

— Надо аллоцировать? — спрашивает Брежнев у сидящего рядом члена Политбюро Тихонова.

Во время действия Брежнев поднимается и выходит в комнату отдыха. Его больше интересует хоккейный матч, транслируемый Центральным телевидением.

В это время на сцене происходит встреча Ленина с американским бизнесменом Хаммером. Эпизод уже прошел, когда Брежнев вернулся в ложу.

— Что там было? — спрашивает Брежнев у Тихонова.

— Была сцена Хаммера у Ленина.

— А Хаммер что, опять приехал? — интересуется Брежнев.

Все эти реплики Генерального хорошо слышит зрительный зал, потому что, несмотря на слуховой аппарат, Брежнев плохо слышит и потому неестественно громко говорит.

Как-то, вернувшись из Софии, где проходила Детская ассамблея, я привез Брежневу медаль участника этого детского праздника и, будучи у него на приеме, вручил ему этот памятный знак.

— С какой стороны ее носить? — спросил Генеральный, рассматривая красивую медаль на голубой ленте.

— Видимо, справа! — ответил я.

— Справа у меня уже нет места, — задумчиво сказал Брежнев и отложил медаль в сторону.

Думается, места не оказалось бы и на левой стороне.

Необъяснимо быстро Брежнев утратил связи с реальностью. Наверное, потому, что по характеру он был сибаритом. Как говорится, «красиво жить не запретишь». Но когда такой личности придается бесконтрольная власть, создаются все условия для удовлетворения любых ее потребностей. А угодничество

Создатели
Государственного
Гимна СССР:
Г. Эль-Регистан,
А. Александров,
С. Михалков. 1943 г.

Вручение
Золотой Звезды
Героя
Социалистического
Труда. 1973 г.

и вседозволенность окружающих как бы стимулируют безнаказанность в тех слоях общества, для которых личное благополучие превыше всего. Нарушения социалистической законности — приписки, казнокрадство и коррупция, парадная показуха, тотальный бюрократизм в годы застоя при попустительстве высшей иерархии в государственном аппарате — развращали общество, тормозили его развитие. Здоровые же силы практически не имели возможности противостоять этой беспринципности чиновников и руководителей. Колесо истории катилось не в ту сторону. Рождалось недоверие и к тому, что провозглашалось с трибун, и к средствам массовой информации, и к руководству страны.

«Серым кардиналом» партийной верхушки был М. Суслов. Его боялись, перед ним заискивали, не любили. Многие годы держал он в своих руках нити идеологического правления страной. Ни одно важное решение не принималось без его участия. Касалось ли это награждения писателя, издания его произведения, выдвижения на ту или иную должность в идеологической сфере или проведения съезда творческого союза. Он ходил в галошах и ездил с дачи в Москву со скоростью 50 километров в час, что выводило из себя следовавших за ним других водителей: они боялись обогнать члена Политбюро.

...Я считал, что имя Гумилева должно быть возвращено русской поэзии. С этим вопросом я был на приеме у Суслова. Он равнодушно выслушал меня и сказал: «Посмотрим, посмотрим...»

Так ничего и не было сделано, пока само время не распорядилось вернуть отечественной литературе имя большого русского поэта, а с ним имена многих других.

Профессор Рыбаков — видный стоматолог — рассказывал мне, как его однажды пригласили к Суслову, у которого заболел зуб. Усадив пациента в кресло, профессор попросил его открыть рот.

— А нельзя ли как-нибудь без этого? — спросил Суслов.

Видимо, ему казалось неприемлемым сидеть с открытым ртом перед врачом. Умер он, как известно, от тяжелого нарушения мозгового кровообращения.

— Твои сочинения я знаю с детства! — говорит Михаил Сергеевич Горбачев и протягивает мне свою книжку «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», изданную в 1987 году.

На титульном листе автограф: «Дорогому Сергею Владимировичу Михалкову с чувством дружбы и уважения. М. Горбачев».

Мне неоднократно приходилось общаться с этим улыбчивым обаятельным партийным руководителем «с человеческим лицом», встречая понимание и поддержку. Я верил в его преданность социалистическим идеалам, видел в нем убежденного партийного деятеля, взявшегося за коренные преобразования в партии, за решительные перемены в жизни советского общества. Однако в течение последующих лет, поднявшись на высшую ступень государственного и партийного руководства, завоевав во всех влиятельных международных кругах авторитет выдающегося советского лидера, Горбачев вынужден был под давлением развивавшихся в советском обществе центробежных сил трансформировать свои политические взгляды, менять свою позицию и в итоге стал в глазах народа чуть ли не главным виновником развала великой Советской Державы. На каких же глиняных ногах держалась идеологическая система нашего государства, если за столь короткий срок она могла до основания развалиться, похоронив под своими обломками провозглашенные ею «коммунистические идеалы»?

Полагаю, что Горбачев не мог предвидеть финал как своей личной судьбы политического деятеля, так и судьбы того общества, гражданином которого он являлся.

Разительная амплитуда отношения граждан бывшего Советского Союза к имени Горбачева — от признания заслуг до открытой ненависти!

Бесспорно одно: имя это определяет во многом непредвиденный исторический поворот «для нашей страны и для всего мира».

Будущее моего Отечества на сегодняшний день непредсказуемо. Да поможет нам Бог!

К сожалению, в нашей творческой среде все еще могущественна зависть, даже когда речь идет о неоспоримом таланте.

Я много лет дружу и принимаю участие в судьбе выдающегося художника Ильи Глазунова. Признание народа он получил. Широко известен за рубежом. Глазунов искренне хочет возродить традиции русской живописи. Он признан мастером портрета. У него много талантливых учеников. Он есть, и нигде от этого не уйдет.

Однако до сих пор он не получил признания собратьев по цеху. Являясь почетным членом двух испанских академий, он не был избран в Академию художеств страны, не получил ни одной Государственной премии. Это ли не конкретное проявление цеховой зависти?

Не могу не сказать о Владимире Высоцком. Он в искусстве — уникальная творческая личность, хотя я не считаю его великим поэтом. Он — великий бард, глашатай своего времени. Это такой же народный талант, как Шукшин, которого я очень люблю. Когда Высоцкий умер, меня удивило отсутствие некролога. Я даже пытался помочь появлению его в печати. Звонил, убеждал. Мне отвечали:

— Хорошо. Да, да, разберемся, посмотрим.

Но некролог так и не появился.

Так называемые «инстанции» вершили свой неправый суд даже над ушедшим из жизни талантом!

Пришлось утешаться тем, что похороны Высоцкого превзошли все мыслимые некрологи. И когда мой сын Никита выступил на панихиде в Театре на Таганке, я сказал ему:

— Ты молодец, что нашел такие слова в час прощания с Володей!

Чувствую ли я свою вину в том, что подчас шел на поводу у «инстанций»? Шел не один, а со многими вместе.

В первую очередь вспоминаю Бориса Пастернака. В атмосфере морального террора, развязанного вокруг имени этого выдающегося поэта современности, многие писатели, в том числе и я, не нашли в себе мужества противостоять и проголосовали за исключение Пастернака из Союза писателей. Сегодня стыдно и горько об этом вспоминать.

Искренне сожалею, что вместе с теми литераторами, кто сегодня так превозносит Солженицына, в свое время и я выступал в его осуждение. Идеологический пресс Старой площади давал себя знать!

Однако, возглавляя впоследствии Литературную секцию Комиссии по присуждению премий в области литературы и искусства при новом правительстве РСФСР, я лично внес предложение о присуждении российской премии А. И. Солженицыну за книгу «Архипелаг ГУЛАГ». Мое предложение было единогласно поддержано.

Не знаю, искупил ли я свою вину перед выдающимся русским писателем, но полагаю, что никогда не поздно осознавать свои ошибки.

Хорошо, что время ставит все на свои места.

Впрочем, было и такое: помню, как громили талантливого писателя Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». В Дубовом зале Центрального Дома литераторов буквально уничтожали автора этого произведения. Я не считал тогда возможным участвовать в этой «кампании» и убежденно выступил в поддержку автора. Недавно Дудинцев сам напомнил мне об этом.

За время моей многолетней депутатской деятельности в Верховных Советах РСФСР и СССР мне не раз приходилось вмешиваться в судьбы людей, обращавшихся ко мне за помощью. В целом ряде случаев я брал на себя обязанности хотя бы по чужим делам, и меня часто можно было видеть в приемных руководителей министерств, ведомств, правоохранительных органов всех рангов, куда я приходил в поисках справедливости и законности, ибо всегда руководствовался принципом: «У бумаги должны быть ноги».

Вспоминается такой случай. Известный медик, профессор С., работавший в одном из московских медицинских институтов, еврей по национальности, был публично оклеветан, и, хотя клевета вскоре была дезавуирована, руководство института выразило профессору недоверие, освободив его от занимаемой должности. Все его попытки восстановить свое доброе имя и вернуться в институт разбивались как о каменную стену.

Видя явную несправедливость, я решил взять на себя хлопоты по его делу. Однако и мне отказывали во всех инстанциях, куда бы я ни обращался. Всюду меня любезно принимали, внимательно выслушивали, обещали разобраться и помочь, но на этом все кончалось. Решив довести дело до конца, я считал возможным обратиться лично к члену Политбюро Егору Кузьмичу Лигачеву. Его партийная ортодоксальность не мешала ему проявлять человечность по отношению к людям. В общении с ним я всегда отмечал это свойство его характера.

Справедливость была восстановлена: профессор С. вернулся в институт, где он до этого проработал около тридцати лет. Руководство института признало случившееся недоразумением.

Отглядываясь с высоты своего преклонного возраста на прожитую жизнь и соотнося свою судьбу с судьбами других советских людей, могу признать, что мне в жизни везло. Я не разделял участи сотен тысяч моих соотечественников в сталинских лагерях, не попал в фашистский плен и не был убит на войне, как десятки военных корреспондентов. Я рано нашел себя как детский писатель и сатирик. Мне повезло на друзей, на умных, талантливых, доброжелательных наставников. Я дорожил и дорожу любовью моих читателей, а это люди всех возрастов. Это ли не счастливый итог жизни?

Однажды на пресс-конференции в Италии меня спросили:

— Почему вы, известный при Сталине человек, учители?

— Даже самые злостные браконьеры не могут отстрелять всех птиц! — ответил я.

Мне кажется, что жизнь человека состоит из цепи случайностей. Сегодня, перебирая в памяти события своей жизни, возвращая все перипетии нашей эпохи, я всевоздушаю о банальной вещи — о его величестве случае.

Красное знамя Великой Страны Советов, могучей ядерной державы — СССР!

Оно полыхало на баррикадах Революции, осеняло в боях героев гражданской войны и многонациональной Советской Армии на фронтах Великой Отечественной. В мае сорок пятого оно взвилось над Рейхстагом в поверженном Берлине, возвестив миру о победе над фашизмом.

Под этим Красным знаменем утверждали Советскую власть, строили и боролись за «светлое будущее» миллионы честных бесправных тружеников, и под этим же знаменем шли на пытки и смерть невинные узники сталинского ГУлага. Их тоже были миллионы!

Красное знамя моей многострадальной, терпеливой Родины! Мы привыкли к нему с детства. Мы клялись ему на верность в пионерских лагерях, в военных гарнизонах, на полях сражений. Семьдесят четыре года оно было символом нашей имперской государственности. Под ним прошла и моя долгая жизнь гражданина и художника. И я присягал этому Красному знамени.

И вот, в одночасье, развалилась советская империя! Нет больше государства с названием СССР! Рухнул «Союз нерушимый», похоронив под своими обломками, казалось бы, незыблемые структуры партийно-государственного аппарата с его равнодушной к судьбе человека правоохранительной и карательной системой, прогнившей экономикой, «развитым социализмом» и призрачными коммунистическими идеалами.

Сам народ перевернул страницу истории.

12 июня 1991 года хозяином Московского Кремля стал первый Президент России, бывший первый секретарь Свердловского обкома партии, бывший кандидат в члены Политбюро Борис Николаевич Ельцин.

Кремлевские куряты отбили последний час СССР. В предновогодние дни 1991 года с купола Кремлевского Дворца был спущен Государственный флаг Советского Союза. На его место взмыл в ночное небо флаг России — трехцветное знамя моих предков, верой и правдой служивших под ним Российскому государству.

Я был советским писателем.